

Интеллектуальная саморефлексия как метод генерирования нового исторического знания

Статья посвящена выработке и апробации инновационного формата научной деятельности историка, отличающегося от ее классического варианта более продуктивным познанием исторического опыта и современности. Выявлена одна из ключевых проблем современной исторической науки в России, которая состоит в наличии между старшим и молодым поколениями ученых коммуникативного разрыва, затрудняющего формирование у будущих историков способностей к профессиональной саморефлексии. Преодоление такого затруднения возможно при переходе от реконструкции прошлого посредством «наблюдения» к воссозданию этого прошлого за счет «участия» в нем на основе осознания самого себя субъектом исторического процесса. Данный тезис доказывается на основе жизненного опыта автора, осознавшего себя частью социума, стремящегося к самовоспроизводству, и экстраполировавшего «продукт» индивидуального самопознания на историческую реальность. В результате была сформулирована исследовательская гипотеза о советском человеке как необходимом промежуточном звене в эволюции российского общества в первой половине XX в. Его конструирование позволило большевикам обеспечить взаимодействие крестьянского и рождавшегося индустриального социума и придать отечественной модернизации необратимый характер. Основным итогом исследования является обнаружение эффективного инструмента познания, дающего возможность задействовать личностный потенциал исследователя для постановки и решения новых научных проблем.

Ключевые слова: рефлексия, саморефлексия, коммуникация, самовоспроизводство, исследовательская деятельность, наблюдение, инновационный формат, традиция, модерн

Постановка проблемы. Базовой функцией фундаментальной науки является производство верифицируемого знания, выступающего основой рациональной картины мира. В свою очередь, история как наука направлена на формирование объективных представлений об обществе и человеке в прошлом. Этот процесс осуществляется за счет *традиционного (классического) формата* исследовательской деятельности. В его рамках историки анализируют источники с помощью научных методов, решают вопрос, поставленный в начале исследования, и публикуют его результаты в виде статей и монографий. По существу, происходит мысленная реконструкция исторического опыта на основе «наблюдения» прошлых эпох, которые наделяются определенными смысловыми «маркерами» («Великий Октябрь», «Большой террор» и т. д.), соответствующими или несоответствующими сложившейся историографической ситуации. В данном случае возникает *феномен интеллектуальной рефлексии*, выступающей в форме осознания действующим субъектом (лицом или общностью) того, как он в действительности воспринимается и оценивается другими индивидами или общностями¹. В сфере исторического знания содержание подобных представлений обусловлено соотнесением авторских выводов и оценок с уже существующими взглядами коллег по научному «цеху» на события предыдущих эпох и их профессиональной критикой полученных результатов научной деятельности. Обратной стороной этой «медали» служит саморефлексия, то есть способность личности к внутреннему анализу индивидуального «Я» с учетом своей включенности в те или иные социальные миры. В фокусе нашего внимания оказывается проблема практического использования этой способности человека для выработки гуманитарных исследовательских практик, отличающихся принципиальной новизной и перспективностью.

Степень изученности проблемы. К настоящему времени проблемы рефлексии и саморефлексии стали предметом многих исследований. Эти явления рассматриваются и как

* Романов Роман Евгеньевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Сибирского Отделения РАН. E-mail: rromanov1981@mail.ru

¹ Рефлексия // Психологический словарь. URL: <http://testme.org.ua/glossary/item/808> (дата обращения: 23.07.2018 г.).

основание философского знания и свойство науки², и как предмет историко-социологического познания³. В русле последнего научное сообщество характеризуется как *коммуникативное* в силу его обладания рядом *рефлексивных признаков*. Одним из них является рефлексия к результатам собственной научной деятельности, методам и технологиям, применяемым в процессе ее осуществления. Применительно к истории данный аспект в свое время очень точно обозначил известный российский медиевист А. Я. Гуревич: «Такая наивность, доверие к тому, что сообщает источник, не отделимы от ремесла историка. Саморефлексия же заставляет ставить знаки вопроса там, где раньше стояли утвердительные точки или даже ликующие восклицательные знаки. Но нельзя сказать, что это открытие принадлежит постмодернистам: всегда были историки, не чуждые саморефлексии. И еще: историк никогда не творит в одиночестве, у него есть коллеги, причем не только предшественники и последователи, но и современники, те, кто работает рядом с ним. И есть принципы критики. Вот я сочинил нечто, я написал какое-то исследование, а коллеги оценят, насколько этот труд убедителен, какие источники и как они были использованы, какова методология и конкретная исследовательская методика, примененная автором. Так что речь идет не только о самопроверке, которую осуществляет работающий в одиночку историк, но и проверке его труда цехом, к которому он принадлежит»⁴.

Не ставя под сомнение это традиционное представление о предмете нашего анализа, отметим, что речь идет о проверке адекватности итогов личной исследовательской работы и профессиональной культуре научно-исторического сообщества. То есть, мы рефлекслируем и вступаем в коммуникацию друг с другом лишь по поводу *самой деятельности*, связанной с научными открытиями, а не по поводу *самих себя* как субъектов, действующих в социально-историческом контексте. Между тем пришло время всерьез задуматься над проблемой личностного развития поколения ученых, представляющего будущее науки.

Методология исследования. Методологической базой исследования служит концепция саморефлексии В. А. Кувакина. В ее русле определение данного понятия звучит так: «отражение» человеком с помощью своей психики *самого себя в разных аспектах*. В психологии выделяются четыре базовых ситуации, в которых находится человек самопознающий:

- 1) знание о знании – индивид понимает, что обладает информацией;
- 2) незнание о знании – индивид не понимает, что обладает информацией, поскольку она отсутствует в его сознании;
- 3) знание о незнании – индивид понимает, что не обладает информацией;
- 4) незнание о незнании – индивид не понимает, что не обладает информацией в силу незнания о ее существовании⁵.

Цель исследования. На основе концепции В. А. Кувакина предпринимается попытка выработки и первичной апробации *инновационного формата* исследовательской деятельности, отличающегося от классического варианта (реконструкция прошлого посредством его «наблюдения») более продуктивным познанием исторического опыта и современности через налаживание механизма их «взаимодействия» в сознании исследователя.

² Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М: Эдиториал УРСС, 1997; Щедровицкий Г. П. Мышление. Познание. Рефлексия. М., 2005.

³ Акулич М. М., Акулич Е. М., Гербер Л. П. Рефлексивный анализ в историко-социологическом познании // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4. С. 57–67.

⁴ Гуревич А. Историк у верстака. Разговор с медиевистом Ароном Гуревичем. Часть I – Как должен работать историк, о саморефлексии и историческом цехе. Интервью / История. URL: <https://stengazeta.net/?p=1000951> (дата обращения: 23.07.2018 г.).

⁵ Саморефлексия // Психологический словарь. URL: <https://www.psyoffice.ru/7/abc/s/samorefleksiya.html> (дата обращения: 23.07.2018 г.).

Саморефлексия в современном научном сообществе: коммуникативный разрыв между поколениями российских историков. Для историка как профессионала одним из аспектов «отражения» своего индивидуального «Я» является позиционирование себя в своем сознании как представителя научно-исторического сообщества. В данном случае профессиональная идентичность формируется в рамках определенной научной школы, благодаря которой начинающий ученый усваивает традиционный формат исследовательской работы. На основе применения научных методов при анализе источников он обучается *реконструкции исторического процесса на основе его «наблюдения»*. Накопление научного знания происходит за счет расширения фактического материала и/или новых аналитических приемов. Это и есть *знание о знании*, получаемое от научных руководителей будущими кандидатами и повторяемое ими как устоявшийся канон. Основной формой его трансляции является научное консультирование аспирантов и докторантов при подготовке диссертационных работ. Однако передача исследовательских навыков от старшего к молодому поколению историков носит зачастую механический характер, что изначально затрудняет формирование у будущих ученых мотивации и способностей к профессиональной рефлексии и саморефлексии (в классическом понимании А. Я. Гуревича). Как показывает многолетний опыт молодежной научной конференции, проводимой в Институте истории СО РАН (с 2006 г.), *неразвитость рефлексивных признаков* вследствие межпоколенческого коммуникативного разрыва на практике выражается в неумении (и/или нежелании) многих молодых исследователей квалифицированно сформулировать научную проблему, соотнести ее постановку и решение с текущей историографической ситуацией. Но даже если кому-то из них удастся самостоятельно преодолеть трудности, то это лишь свидетельствует об успешной адаптации к рефлексивному функционалу, которым уже владеют учителя и наставники. В связи с этим, основная масса научной молодежи (в том числе ее самые респектабельные представители) не догадывается о том, что формат «эмпирической» реконструкции не позволяет вступить в личный коммуникативный контакт с изучаемой эпохой. Такое *незнание о незнании* лишает молодежь возможности работать продуктивнее старшего поколения исследователей и обрекает на квазивоспроизводство или посредственное повторение предыдущего опыта. Для справедливости стоит заметить, что автор этих строк до недавнего времени также находился в аналогичном положении.

Наиболее лаконично данную проблему обозначил доктор исторических наук, профессор Высшей школы экономики М. А. Давыдов: «Ведь те работы, которые мы сейчас не напишем, уже не напишет никто и никогда. Это не из-за того, что мы такие умные, не поэтому, а потому что в нашей науке пала связь времен, связь поколений»⁶. В этой цитате представлено *знание о незнании*, то есть понимание того, что преемники окажутся неспособными повторить эталонную марку предшественников. Для разрешения этого затруднения необходимо выработать инновационный формат исследовательской работы, позволяющий молодым исследователям ориентироваться не на привычный, но уже неповторимый, опыт старших коллег, а на скрытые возможности собственной личности.

Механизм выработки инновационного формата исследовательской деятельности: изменение подхода к пониманию саморефлексии в науке. Чтобы приступить к конструированию нового формата, необходимо осознать свое «местонахождение» в ситуации *незнания о знании*. Непонимания, что наш потенциал скрыт в осознанном переходе от реконструкции прошлого на основе «наблюдения» к воссозданию этого прошлого за счет «участия» в нем. Последнее возможно путем саморефлексивного восприятия исторического процесса, направленного на осознание себя самого его самовоспроизводящимся субъектом. В частности, под самовоспроизводством понимается обеспечение обществом и человеком своей преемственности за счет сохранения и передачи социальной памяти, как

⁶ Михаил Давыдов: «То чего не напишут историки моего поколения, не напишет уже никто». URL: <http://www.konkir.ru/articles/mihail-davydov-chego-ne-napishut-istoriki-moego-pokoleniya-ne-napishet-uzhe-nikto> (дата обращения: 23.07.2018 г.).

в отдельных поколениях, так и при их смене. В силу исторической универсальности данный феномен является ключевым элементом, связывающим в единый континуум настоящее (историк и его общество) и прошлое (объект исследования). Он обеспечивает их взаимодействие при актуализации в сознании исследователя проблемы самовоспроизведения социума, происходящего для него и вчера, и сегодня. Такой интеллектуальный формат позволяет нам познавать историю через себя и познавать себя через историю. И таким образом одновременно стимулировать не только профессиональный, но и личностный рост.

Данная идея родилась на основе личного жизненного опыта. Однажды мои размышления над проблемой роли человека в российской модернизации неожиданно привели меня к «открытию» процесса *собственного самовоспроизводства* как индивида на бытовом уровне. Затем пришла мысль о том, что этот же процесс происходит со мной в профессиональной сфере (т. е. науке), а также и со всеми моими коллегами-историками, являющимися как отдельным сообществом, так и частью «большого» социума. Восприятие самовоспроизводства как универсального феномена побудило автора этих строк к тому, чтобы экстраполировать интеллектуальный «продукт» индивидуального самопознания, полученный в современном социальном контексте, на историческую реальность. Если ученые сегодня способны воспроизводить себя как определенная общность, значит, это могли делать и те большие общественные группы, деятельность которых имела ключевое значение для развития России в прошлом. Применительно к концу XIX – первой половине 40-х гг. XX в. такой группой было крестьянство, выступавшее одним из главных участников великой и драматичной трансформации нашей страны.

Первичная апробация инновационного формата исследовательской деятельности: новая гипотеза о российской модернизации (конец XIX – первая половина 40-х гг. XX в.). В отечественной историографии есть две канонические версии российской модернизации в рассматриваемый период. Согласно «красной» версии, на фоне аграрного перенаселения и деградации пореформенной деревни неудачные попытки либерально-имперских реформаторов (С. Ю. Витте, А. П. Столыпин) сделать ставку на индустриализацию и разрушение вековой общины резко усилили процесс маргинализации крестьянства и привели к нарастанию социального протеста, вылившегося в революции 1905–1907 и 1917 г. Выход из этого *фундаментального, системного кризиса* стал возможен лишь в русле закономерного перехода страны к советской мобилизационной модели развития, обеспечившей в условиях исторического цейтнота форсированную трансформацию и ломку традиционализма под лозунгами его сохранения⁷.

Согласно «белой» версии, прогрессирующая отсталость пореформенной деревни обуславливалась долгим нежеланием имперского государства и элиты оказывать ей помощь в повышении уровня производительных сил. Такая позиция «верхов», а также интеллигенции была связана с желанием сохранить общину в противовес пролетаризации «низов» при раннем капитализме. Эта «патовая» ситуация начала преодолеваться успешными реформами С. Ю. Витте и П. А. Столыпина, создавшими объективные условия для постепенной адаптации крестьянства к модернизации. Однако Первая мировая война вызвала *ситуативный политический кризис*, приведший к революции 1917 г. и, в итоге, к утверждению у власти большевиков, заменивших естественно-эволюционное развитие страны искусственной и тиранической утопией «большого скачка»⁸.

Несмотря на разницу в подходах и оценках, обе объяснительные модели имеют общий формат. Их творцы и адепты как носители культуры модерна *смотрят на историю* с по-

⁷ Братченко Т. М., Сенявский А. С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. № 2. 2007. Т. 9. С. 315–326; Сенявский А. С., Братченко Т. М. От имперской к советской мобилизационной модели: преемственность и различия в экономическом развитии // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2012. С. 67–76.

⁸ Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина. СПб., 2016.

зиции просвещенческой идеи развития, в соответствии с которой человек традиционный должен обязательно стать человеком современным. В связи с этим, и «красный», и «белый» историографический канон можно рассматривать как интеллектуальный продукт современного научно-исторического сообщества, которое само по себе выступает одним из конечных результатов модернизации. Сообщество историков стремится к *профессиональному самовоспроизводству* путем формирования и накопления научных знаний об историческом процессе в рамках еще по инерции сохраняющейся модерновской картины мира, но уже потерявшей лидирующие позиции в условиях перехода человечества к пост-современности.

Оставаясь в старом формате, ветераны классической науки не осознают тот факт, что их подсознательное стремление к сохранению статуса модерновых интеллектуалов в XXI в. является «зеркальным отражением» попытки великорусских крестьян остаться традиционными аграриями в XX в. (*незнание о знании*). Каждый социум, внешне приспособившись к изменяющемуся миру, борется за сохранение своей внутренней аутентичности (*изменяется не меняясь*). В этом и состоит затруднение любой модернизации, без разрешения которого она никогда не станет необратимой и завершенной. Для его преодоления требуется *переходный тип человека*, органично соединяющий старые и новые пласты культуры и тем самым снимающий принципиальные противоречия между уходящим прошлым и наступающим будущим.

Данная проблема находит конкретное выражение в контексте общенациональной и региональной истории России конца XIX – первой половины 40-х гг. XX в. Применительно к ее реалиям наша исследовательская гипотеза формулируется следующим образом:

1. Российское крестьянство, адаптируясь к внешним проявлениям модернизации, одновременно *продолжало самовоспроизводство* в качестве оригинальной традиционно-аграрной цивилизации на демографическом (многодетная семья), социальном (семейно-общинный коллективизм), социокультурном (духовная привязанность к земле и природе в целом) и технологическом (подчиненность крестьянского хозяйства и быта сезонным природно-климатическим циклам) уровнях. Однако к концу XIX в. в этом процессе начали происходить *системные сбои*, вызванные кризисными тенденциями в социально-экономическом и духовном развитии деревни (аграрное перенаселение, имущественное расслоение, ослабление религиозной нравственности и т. п.).

2. Основным фактором, сдерживавшим «размывание» патриархальной социальности, выступала сохранявшаяся крестьянская идентичность. Ее прочная консервация *не позволяла* отечественным инициаторам модернизации (имперское государство и буржуазия), желавшим ответить на технократический вызов Запада, сделать процесс формирования индустриального общества необратимым и в перспективе логически завершенным. Причиной такого *затруднения* являлось то, что модерн *претендовал на новую системность*, не связанную с привычным для традиционного социума опытом.

3. Одним из вариантов развития революции 1917 г. могло стать «обратное» движение истории (от модерна к традиции) из-за неспособности дореволюционных реформаторов *обеспечить* механизмы межпоколенной передачи традиционного опыта в повседневной жизни крестьянства. Поражение «белого движения», часть которого стремилась к европоцентристской модернизации, не привело к окончанию гражданской войны, продолжившейся в форме противостояния большевиков и «зеленых» повстанцев. Ее превращение в перманентный вооруженный конфликт между новой властью и крестьянством, стремившимся *создать условия* для продолжения воспроизводства традиционного общества, было предотвращено с помощью введения новой экономической политики («крестьянский Брест»).

4. Длительное сохранение НЭПа как политэкономической основы консенсуса между большевиками и крестьянами *лишало* советское государство возможности ускорить процесс формирования индустриального общества перед лицом превращения технократического вызова со стороны Запада в военную угрозу для России (что показала Первая миро-

вая война). В то же время обратный поворот крестьянства к общине после революции 1917 г. продемонстрировал действенную мощь его коллективной памяти о собственных традициях. Но дать адекватный ответ на внешние угрозы за счет *дальнейшего воспроизведения аутентичной традиционно-аграрной цивилизации*, заимствовавшей лишь отдельные технико-экономические новации, во второй четверти XX в. было уже невозможно.

5. Потенциальная угроза военного поражения при столкновении с более прогрессивными геополитическими соперниками (по старокитайскому сценарию) вынудила большевиков взять курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию. Замена оригинальных традиционных институтов (община, кооперация, коммуны и т. п.) *искусственно навязанными* сверху колхозами вела к духовному отчуждению крестьян от земли и природы, аграрного труда, постепенному отказу от многодетной семьи и семейно-общинного коллективизма. В результате механизмы самовоспроизводства крестьянской идентичности *были обессточены*, что положило начало *раскрестьяниванию* основной массы населения России.

6. Процесс раскрестьянивания нарушил нормальное функционирование прежних институтов социализации сельской молодежи, которая *быстро утратила* привычные жизненные ориентиры и переориентировалась на включение в формировавшееся индустриально-урбанистическое общество. В связи с этим советское государство получило возможность провести форсированную индустриализацию в основном силами молодых крестьян, переселявшихся в поисках новых перспектив в растущие города.

7. Несмотря на реформацию старого уклада жизни, мигранты из деревни по инерции *еще оставались носителями* крестьянской трудовой культуры. Для их адаптации к индустриальному производству и городскому образу жизни большевистский режим через правовую и информационно-пропагандистскую системы «имплантировал» ценности и нормы, формы коммуникации и поведенческие стратегии великорусских аграриев-ремесленников в новую социальную реальность, *конструируемую как советский («народный») вариант модерна*. В условиях индустриализации элементы традиционного отношения к труду проецировались на машинные технологии, что позволяло бывшим селянам усваивать основы заводских профессий при сохранении внутренней духовной аутентичности.

8. В результате одним из последствий «сталинской» модернизации стало формирование *многочисленного слоя крестьян в рабочих спецовках*, ставшего социокультурной основой раннеиндустриального общества, сложившегося в России к концу 1930-х гг. Этот человеческий потенциал представлял собой сочетание трудового менталитета пахаря и технической культуры станочника. Путем социальной инженерии советское государство создало переходный тип человека (советский человек), который сыграл роль *необходимого промежуточного звена* в цепи исторической эволюции российского общества.

9. Благодаря конструированию этого промежуточного звена новая верховная власть *преодолела* фундаментальный разрыв между традицией и модерном на уровне широких народных масс. После разрешения данного затруднения процесс становления индустриально-урбанистического общества в России приобрел *необратимый характер*, что позволило нашей стране ответить на технократический вызов Запада, воплотившийся в годы Второй мировой войны в форме вооруженной агрессии нацистской Германии против СССР.

10. Суть ответа на угрозу уничтожения советской цивилизации со стороны германского нацизма состояла в эффективном соединении высокоиндустриальных технологий (военных и гражданских) с квазимодернизированным советским человеком. После крупномасштабных мобилизаций трудящихся на фронт государству удалось в сжатые сроки *вновь воспроизвести* слой крестьян в рабочих спецовках за счет молодежи, которая в основной массе выросла в традиционных сельских семьях. Сочетание ее ментальной установки на коллективное выживание, унаследованной от отцов и дедов, и полученных профессионально-технических навыков позволило власти сформировать сверхактивный че-

ловеческий потенциал, благодаря которому СССР одержал экономическую победу над нацистской Германией в ходе Второй мировой войны.

Результат первичной апробации инновационного формата исследовательской деятельности: генерирование нового исторического знания. Ведущие специалисты по отечественной истории XX в. и особенно сторонники канонических версий российской модернизации, вероятно, скептически отнесутся к выше изложенным научным идеям. Основанием для их критики может стать сомнение в продуктивности выработанного автором инновационного формата научного анализа. В качестве аргумента, очевидно, выступит внешнее сходство предложенной точки зрения с «красным» историографическим каноном. И действительно, на первый взгляд, складывается впечатление *о воспроизведении* уже существующего в историографии точки зрения о сталинизме как об отечественном варианте радикальной трансформации российского общества с опорой на его собственные силы и под лозунгами сохранения традиционализма («старое вино в новых мехах!»). С учетом накала исторических дискуссий в современном обществе такое восприятие полученных результатов, по всей видимости, вызовет у части исследователей (главным образом, сторонников «белого» канона) отношение к новому интеллектуальному формату как к наукообразному эвфемизму, призванному в очередной раз найти оправдание сталинскому левиафану.

В качестве превентивного ответа на возможную критику могу сказать о том, что Карла Маркса также можно было бы укорить в «повторении» теории французских историков Гизо и Тьерри о классовой борьбе. Однако Маркс по-новому работал с этой теорией, актуализировав ее смысл применительно не только к историческому опыту, но и современным ему реалиям середины XIX в. В отличие от великого немецкого мыслителя, автор этого исследования шел обратным путем – от современности к истории. Конечным пунктом данного пути служит идея о строительстве большевиками *коммуникативных «мостов»* между борющимися за самосохранение традиционным и рождавшимся индустриальным обществами, что позволило тесно связать их друг с другом и тем самым придать модернизации необратимый характер. Именно в этой идеи и заключено *принципиально новое знание*, которое до настоящего времени отсутствовало в отечественной историографии.

Выводы. Сказанное выше является пока исследовательской гипотезой, над проверкой которой нужно работать. Вместе с тем, процесс ее генерирования стал возможен благодаря методу интеллектуальной саморефлексии, направленному на осмысление не только научной деятельности, но и внутреннего личностного потенциала самого ученого. Данный метод позволил найти инновационный творческий формат исследовательской работы, в корне изменивший не только методологическую «кухню», но и ее «повара». И в этом есть немалая заслуга молодежной школы-конференции, «перекроившей» сознание автора и побудившей его к поиску ответов на вызовы, стоящие перед исторической наукой в XXI в. Ответов, скрытых в новом знании одновременно и о прошлом, и о настоящем, которое может стать эффективным инструментом для формирования и развития на общероссийском и региональном уровнях *постклассического* научно-исторического сообщества на основе современного поколения молодых ученых.

Список литературы

Акулич М. М., Акулич Е. М., Гербер Л. П. Рефлексивный анализ в историко-социологическом познании // Вестник Тюменского государственного университета. 2004. № 4. С. 57–67.

Братченко Т. М., Сенявский А. С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9. № 2. С. 315–326.

Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина. Спб.: Алетейя, 2016. 1080 с.

Кувакин В. Не дай себя обмануть. Введение в теорию практического мышления. М.: Академический проект, 2007. 100 с.

Рефлексия // Психологический словарь. URL: <http://testme.org.ua/glossary/item/808> (дата обращения: 23.07.2018 г.).

Саморефлексия // Психологический словарь. URL: <https://www.psyoffice.ru/7/abc/s/samorefleksiya.html> (дата обращения: 10.06.2018 г.).

Сенявский А. С., Братченко Т. М. От имперской к советской мобилизационной модели: преемственность и различия в экономическом развитии // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 67–76.

Щедровицкий Г. П. Мышление. Познание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. 800 с.

Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.

*R. E. Romanov**

Intellectual Self-Reflection as a Method of Generating New Historical Knowledge

The article is devoted to the development and approbation of the innovative format of the historian's scientific activity, which differs from its classical option by more productive cognition of historical experience and modernity. The author identifies one of the key problems of modern historical science in Russia – the problem of communicative gap between the older and younger generations of scientists that makes it difficult for future historians to develop professional self-reflection. It is shown that overcoming this difficulty is possible in the transition from "observation" of the past to "participation" in it on the basis of self-awareness of the self-reproducing subject of the historical process. This thesis is proved on the basis of the author's life experience, who realized himself as a member of society, striving for self-reproduction and extrapolating the "product" of individual self-knowledge to historical reality. The result of this self-knowledge was the formulation of the research hypothesis about the Soviet man as a necessary intermediate link in the evolution of Russian society in the first half of the 20th century. It is suggested that the design of this link allowed the Bolsheviks to ensure the active interaction between the peasant society and the emerging industrial society and to make the national modernization irreversible. The main result of the research is the discovery of an effective instrument of cognition, which makes it possible to tap the inner personal potential of the researcher for staging and solving fundamentally new problems.

Keywords: reflexion, self-reflection, communication, self-production, research activity, observation, innovative format, tradition, modernity

Статья поступила в редакцию 10.07.2018

* **Romanov Roman E.** – Candidate of Sciences (History), researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: romanov1981@mail.ru